

СТАТЬИ

К. В. ХВОСТОВА

РАССЛОЕНИЕ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ КРЕСТЬЯН

Проблема расслоения средневековых крестьян является одной из кардинальных социально-экономических проблем истории средневековья. В то же время по отношению к Византии она едва намечена в отдельных исследованиях, специально относящихся к другим проблемам социально-экономического развития разных периодов византийской истории. Это объясняется главным образом состоянием византийских источников. Только от XIV и частично XIII в. сохранились источники, которые со многими и немаловажными оговорками могут быть названы массовыми, т. е. такими, которые позволяют хотя бы в ограниченном масштабе проводить статистический и вообще количественный анализ. Такими источниками являются описи (практики) владений крупных собственников (главным образом монастырей). В настоящее время число таких практиков увеличилось благодаря изданию актов Лавры¹.

На первый взгляд кажется, что практики содержат обильный материал по имущественному расслоению крестьян. В описях перечисляются различные виды крестьянского имущества и указываются размеры причитающейся с этого имущества налоговой ставки. Однако более тщательный анализ источников показывает, что перечень имущества в практиках содержит неполную и искаженную информацию не только об экономическом, но даже об имущественном расслоении крестьян. Если судить об имущественном расслоении крестьян по данным практиков, то следовало бы констатировать в указанный период очень высокую степень имущественного и, в частности, поземельного расслоения. Но данные практиков относятся только к собственно паричскому движимому и недвижимому имуществу крестьян, т. е. к имуществу, которым они владели на паричском праве как зависимые крестьяне. Все остальное крестьянское имущество, а именно родовая или купленная собственность (о том, что у париков было собственное имущество, свидетельствуют неоднократные упоминания в описях об иностатиках), а также арендованные париками на разных условиях земли, не фиксируется. Кроме того, в практиках отсутствуют данные о доходах париков от занятий ремеслом, хотя и не вызывает сомнений, что эти доходы составляли для некоторых категорий париков, прежде всего для безземельных, важный источник благосостояния. Все это и означает, что сам по себе перечень принадлежавших парикам различных видов имущества еще не создает исчерпывающего впечатления об уровне их благосостояния и соответственно — расслоения. В то же время есть основание полагать, что доходы от неземледельческих занятий и прежде всего от занятий ремеслом в XIII—XIV вв. учитывались при обложении налогом (телосом). Правда, данные об этом отсутствуют. Однако от X—XI вв. имеются подобные сведения² и не исклю-

¹ Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D. Actes de Lavra, II: de 1204 à 1328. Paris, 1977 (далее — Actes de Lavra).

² Литавин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 84.

чено, что и в XIII—XIV вв. данная традиция сохранилась, хотя ее проявления и претерпели известные метаморфозы. Об учете доходов от ремесленной деятельности говорит сам факт перечисления в практиках ремесленников. Очевидно, эти доходы учитывались в виде надбавки к основной подати, исчисляемой в зависимости от размеров движимого и недвижимого имущества. Более того, возможно, что при обложении телосом учитывались не только доходы от ремесленной деятельности, но и в какой-то мере принимались в расчет и размеры той земли, которую парики, имевшие на паричском праве небольшие участки или вообще лишённые паричских держаний, арендовали на различных условиях. В пользу этого предположения говорят следующие соображения. Парики, лишённые земли или имевшие ее в недостаточном количестве, добывали средства для несения налогового тягла и других паричских обязанностей за счет иных, так сказать, непаричских источников благосостояния. В предшествующий период (X—XI вв.) аренда париками частнособственнических земель на разных условиях, отличных от паричского права, как известно, не приводила к тому, что арендованные земли изымались из сферы государственного обложения. Во-первых, пакт (разновидность арендной платы) учитывался при определении ридзы (общей налоговой суммы с податного округа), во-вторых, через 30 лет арендатор чужой земли становился ее держателем на паричском праве и соответственно подлежал занесению в кадастры как налогоплательщик³. В XIII и XIV вв., как свидетельствуют отдельные (правда, их сохранилось немного) данные, арендаторы чужих земель на условии уплаты пакта по прошествии 30-летнего срока по-прежнему рассматривались как арендаторы, а не держатели паричского надела и не подлежали налогообложению. Налог за соответствующие земли платил собственник земли⁴.

Несомненно, государству было бы с формальной точки зрения выгодней, если бы парики — арендаторы земель крупных земельных собственников через 30 лет превращались в держателей этой земли на паричском праве и платили бы телос, поскольку телос в этот период, в отличие от налога с земель, не поделенных на стаси, включал не только подымное и поземельную подать, но и сборы с движимого имущества, а также доходы с ремесленной деятельности.

Но так было теоретически, с точки зрения фискальных порядков. Практически же в силу предоставления крупным собственникам податного иммунитета налоги с соответствующих владений не поступали в казну, и, как правило, оказывалось совершенно безразличным, взимался ли чисто формально с какого-либо участка телос или же только поземельный налог — непосредственно с собственника. Это обстоятельство, т. е. освобождение крупных собственников от уплаты налога, и привело, очевидно, к тому, что в ряде случаев арендатор земель крупных собственников не становился через 30 лет париком. Господствующие фискальные порядки, таким образом, практически не функционировали на экзимирированных землях. Однако данный случай являлся все же прецедентом, но не нормой. Известны факты, когда монастырские парики платят одновременно подать и другому лицу⁵. Это происходит, возможно, вследствие того, что парики монастыря вначале арендовали земли не своего, а чужого собственника, т. е. являлись для этого последнего ксено-

³ Литаврин Г. Г. Указ. соч., с. 67.

⁴ Об этом свидетельствует сопоставление разновременных, относящихся к одним и тем же владениям, описей Ивирского монастыря, разделенных промежутком времени, превышающим 30 лет. Речь идет об описях 1316 и 1341 гг. И в тех и других упоминаются одни и те же участки под виноградником, переданные в аренду на основе уплаты пакта. См.: *Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. — Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss., Philos.-hist. Kl., N. F., 1949, Heft 28, A 316, V, 331—332.*

⁵ Actes de Lavra, N 73.

париками. По прошествии же времени они становились париками и этого другого собственника. Парикия, таким образом, раздваивалась.

Как видно, мы сталкиваемся с явлением, которое было характерно для западных рентных отношений. Но в Византии зависимость парика от двух собственников выступала в специфической форме уплаты не собственно ренты, а налога, пожалованного в порядке предоставления податного иммунитета.

Что же касается тех случаев, когда парик-арендатор частновладельческих земель выпадал в XIII—XIV вв. в отличие от X—XI вв. из сферы государственной регламентации (пакт в этот период не присчитывался к ридзе), то не исключено, что наличие арендованных земель все же влияло на размеры телоса. Это влияние проявлялось, например, таким образом: в XIII—XIV вв. в отличие от X—XI вв. упряжка волов, как уже говорилось, подлежала специальному обложению и сбор с упряжки включался в телос. Однако при обложении крестьян, имевших очень большие наделы, упряжки, как и прочее имущество, исключая землю, не подлежали обложению. Это означает, что при отсутствии больших наделов и наличии упряжки крестьяне могли арендовать землю, и эта возможность учитывалась путем специального обложения упряжки.

Таким образом, если, с одной стороны, размеры налоговой ставки телоса, учитывавшей размеры различных видов имущества и ремесленной деятельности, отражают степень расслоения, то, с другой стороны, известно, что более зажиточные крестьяне платили сравнительно более низкие подати, чем менее зажиточные⁶. Это означает, что при обложении проводилась определенная социальная политика. Хорошо известны и не раз отмечались также факты нарушения при налогообложениях стандартных норм обложения податных объектов. (Правда, эти нормы имели ряд вариаций и могут быть названы стандартными лишь в условном смысле.) Нередки случаи прямого нарушения этих норм, т. е. случаи налогового произвола или налоговых льгот. В этих случаях налоговая ставка также неадекватно отражает имущественное положение.

Возможно, обложение париков телосом происходило следующим образом. Определялась некоторая налоговая сумма $\beta\acute{\iota}\zeta\alpha \chi\omega\rho\acute{\iota}\sigma\sigma$, которая устанавливалась заранее сверху, а затем раскладывалась внутри общины в соответствии с числом домов и размерами земли. Если бы обложение велось строго в соответствии с размерами принадлежавшей крестьянам земли на парическом праве, то не имеющие такой земли не платили бы налога. Однако на самом деле они уплачивали подать, варьирующую в диапазоне между $\frac{1}{8}$ и 1 номисмой. Следовательно, при определении общей налоговой суммы учитывали и число очагов. И подать с очага — подымное (капникон) — составляла часть подати, взимавшейся с безземельных. Тот факт, что зажиточные парики платили телос по льготным нормам, объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что при определении общей налоговой ставки деревни податные чиновники исходили из предположения о наличии у всех париков нормальных наделов. В действительности у некоторых оказывались наделы, превосходящие по размеру нормальный, а у других — наделы меньшей величины. Поэтому осуществлялась следующая процедура. Для того чтобы получить требуемую налоговую сумму, с безземельных, кроме сбора с очага, дома, т. е. кроме подымного, взыскивались сборы с движимого имущества и учитывались неземледельческие доходы. Что же касается зажиточных, то для получения общей налоговой суммы, причитающейся с деревни, достаточно было взыскать с них только поземельную подать и не взыскивать подымное (капникон), а иногда достаточно было взыскать только часть поземельной подати.

⁶ Хвостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения в Византии XIII—XIV вв. — ВВ, 1978, 39, с. 53.

Очевидно, наиболее адекватным образом специфика расслоения могла бы быть учтена путем денежной оценки как движимого и недвижимого имущества, так и других источников благосостояния крестьян. Однако прямые данные для проведения такой оценки отсутствуют. Известно, что оценка различных видов имущества в Византии была дифференцированной и зависела от их качества. Существуют лишь косвенные данные о качественных градациях тех или иных видов имущества, и этими данными опять же являются налоговые ставки. Налог исчислялся как $4\frac{1}{6}\%$ стоимости имущества⁷. Все сказанное означает, что, несмотря на известное несоответствие расслоения, связанного с налогообложением, и имущественного расслоения, целесообразно использовать данные о налогообложении в качестве приблизительного показателя имущественного расслоения. Существенно также то обстоятельство, что при налогообложении учитывался социальный статус налогоплательщиков; так, священники, упоминаемые в описях, подлежали нередко льготному обложению⁸.

Следовательно, тот факт, что налогообложение в ряде случаев неадекватно отражало особенности имущественного расслоения, являлся не только результатом случайного отклонения налоговых ставок от стандартных, но и следствием сознательной налоговой политики, учитывающей различие социальных статусов налогоплательщиков, т. е. отражающей социальное расслоение. Об этом свидетельствуют и такие упоминавшиеся выше проявления налоговой политики, как более льготное обложение зажиточных париков по сравнению с обложением бедных. Все сказанное является еще одним аргументом в пользу целесообразности использования данных о налогообложении для выявления особенностей расслоения париков. Причем по этим данным можно судить не только об экономическом, но в определенной степени и о социально-экономическом расслоении париков.

Ниже мы постараемся показать, в какой мере налоговая политика не только отражала, но и создавала некоторые проявления социального расслоения. Сейчас же обратимся к количественному анализу сведений практиков о размерах налоговых ставок, уплачиваемых крестьянами, с целью измерения интенсивности расслоения и получения сравнительной картины расслоения по отдельным районам.

Как определить интенсивность расслоения, пользуясь в качестве показателя степени расслоения каждого крестьянина размерами его налоговой ставки? Чтобы оценить интенсивность расслоения, нужна количественная мера, с которой сравнивалось бы расслоение в каждой конкретной вотчине. Возникает вопрос: каковы те критерии, с помощью которых она должна быть определена? Эти критерии должны учитывать не только индивидуальные византийские, но и общие для средневековой эпохи признаки расслоения крестьян. Для того чтобы выработать такие критерии, необходимо, следовательно, выявить эти общие для средневековой эпохи признаки. Общие признаки отражают общие закономерности, характерные для значительного пространственно-временного диапазона. Общие закономерности являются объектом теоретического изучения, в процессе которого происходит абстрагирование от ряда конкретных индивидуальных проявлений этих закономерностей. Это означает, что определить общие признаки можно путем теоретического анализа общих закономерностей, т. е. построения теоретической концепции расслоения. Для получения количественной меры интенсивности расслоения следует формализовать теорию, т. е. записать отдельные ее постулаты и выводы с помощью дифференциального уравнения. Формализация теоретических

⁷ *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970, S. 41.

⁸ *Хвостова К. В.* Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. М., 1968, с. 156.

рассуждений, проводимая с целью получения количественных критериев оценки интенсивности расслоения (или каких-либо иных отношений), непривычна не только для византиноведения, но и для медиевистики в целом и требует более подробной аргументации.

Естественно, каждый исследователь, не прибегая к количественной оценке, в состоянии как-то «на глаз» оценить интенсивность расслоения крестьян в изучаемой вотчине или регионе. Но для сопоставления даже нескольких, не говоря уже о десятке или нескольких десятках, вотчин необходима количественная мера, в основу которой положены четкие критерии. Кроме того, сравнение расслоения в отдельных изучаемых вотчинах или целых районах, осуществляемое, так сказать, «на глаз», неизбежно основано на интуитивных и, как правило, различных, т. е. для каждой вотчины «своих», иногда существенно отличающихся друг от друга, критериях. Эти критерии, иными словами, не могут быть унифицированными, едиными для всех или, во всяком случае, для многих изучаемых вотчин. Например, рассматриваются две вотчины, характеризующиеся различными держательскими структурами. В одной из них имелся незначительный слой безземельных держателей и большое количество держателей малых наделов. В другой вотчине безземельные держатели отсутствовали, однако, слой держателей малых наделов был очень значительным. При этом в обеих вотчинах было приблизительно одинаковым число держателей среднего уровня зажиточности. Исследователь, не применяющий количественной оценки, основанной на четких критериях, очевидно, каким-то образом решит проблему об интенсивности расслоения в обеих вотчинах. Очевидно также, что он будет при этом руководствоваться не столько общетеоретическими соображениями о закономерностях расслоения средневековых крестьян вообще, сколько своими знаниями о конкретно-исторических особенностях изучаемых вотчин. Возможно, он учтет тот факт, что в целом для района и данного хронологического периода было типичным наличие небольших наделов. Если руководствоваться этим в целом для эпохи феодализма локальным критерием, то следует характеризовать держательную структуру второй вотчины более типичной для данного региона и соответственно констатировать большую степень расслоения крестьян первой вотчины. Однако возможен и другой подход к проблеме. Можно руководствоваться представлениями о размерах прожиточного минимума и нормального крестьянского надела, представлениями, выработанными на материале, характеризующем данную эпоху и данный регион в целом. И в этом случае критерий окажется конкретно-историческим, а не общетеоретическим. При использовании этого критерия результаты сравнения окажутся иными. При таком подходе к проблеме не исключен вывод, констатирующий большую степень расслоения первой вотчины; возможно также мнение, согласно которому расслоение в обеих вотчинах было примерно одинаковым. Кроме того, критерии, применяемые при качественном анализе, основанном на интуитивном подходе к проблеме, не основаны на учете многих признаков, т. е. такие критерии не являются обобщающими или суммарными. Правда, и при оценке интенсивности расслоения крестьян на качественном уровне исследователь, естественно, исходит и из некоторых общих теоретических представлений о закономерных особенностях расслоения средневекового крестьянства, однако эти представления присутствуют в его конкретно-историческом анализе неявно, словесно не формулируются. В этом нет надобности, поскольку при оценке интенсивности расслоения на качественном уровне отсутствует учет этих общих особенностей. Все это означает, что для выработки критерия расслоения, учитывающего общие особенности расслоения, т. е. унифицированного и обобщающего критерия, позволяющего детально сопоставить интенсивность расслоения в изучаемых совокупностях, требуется детально рассмотреть теоретические принципы расслоения.

Необходимо дать систему словесных утверждений, являющихся результатом обобщения предшествующего коллективного исследовательского опыта в области рассматриваемой проблемы, а затем следует отыскать то утверждение, которое можно непосредственно выразить с помощью математического уравнения. Решение такого уравнения должно дать формулу, с помощью которой можно получить количественную меру изучаемых отношений, учитывающую общие закономерности расслоения.

Вычисление таких количественных мер, относящихся к разным совокупностям (деревням, вотчинам, общинам и т. д.), позволяет их сопоставлять, т. е. расширить рамки сравнительного анализа явлений.

Переходим к словесной характеристике основных утверждений теории социально-экономического расслоения феодально-зависимого крестьянства в эпоху развитого феодализма, т. е. в эпоху, когда в обществе отсутствовали существенные элементы предкапиталистических отношений. Это расслоение, рассматриваемое на уровне теоретического обобщения, характеризуется следующими чертами.

Социально-экономическое расслоение феодально-зависимых крестьян означает существование в их составе слоев, различающихся наличием имущества в определенном размере и спецификой социального поведения. С известной степенью абстрагирования от ряда конкретных проявлений расслоения в разных регионах и в разные временные периоды можно считать, что в раннефеодальный период численно преобладал и играл наибольшую социальную роль слой крестьян средней зажиточности. На протяжении времени под влиянием многих факторов (прежде всего развитие товарно-денежных отношений), выявленных во многих конкретных исследованиях, ряд представителей среднего слоя беднел или богател. Наряду со слоем крестьян среднего уровня зажиточности четко определяются и другие слои. Однако и в этом случае большинство крестьян имеет прожиточный минимум.

Данная структура расслоения, таким образом, обусловлена и отражает существенные особенности средневековой экономики и эксплуатации, состоявшие в том, что функционирование средневековых социально-экономических отношений возможно только при известной обеспеченности подавляющего большинства крестьян.

Итак, социально-экономическое расслоение феодально-зависимых крестьян — это результат обеднения или обогащения слоя средней зажиточности. Данное утверждение — один из исходных постулатов концепции расслоения. Далее, можно считать, что если бы в обществе существовал только средний по зажиточности слой, то расслоение бы отсутствовало. Рассматриваем данное утверждение как один из выводов, вытекающих из вышеназванного постулата. Другие исходные постулаты и вытекающие из них выводы выглядят следующим образом. Считаем, что у крестьян средней зажиточности степень бедности равняется степени богатства и соответственно разность между степенью бедности и степенью богатства у них равна нулю. Отсюда следует целесообразность рассмотрения разности между показателями бедности и богатства в качестве коэффициента расслоения. Для крестьян средней зажиточности эта разность, повторяем, равняется нулю, а для других категорий крестьян составляет некоторую величину, характеризующую степень расслоения, вызванного или обеднением, или обогащением.

Задача формализации концепции расслоения средневекового феодально-зависимого крестьянства состоит, очевидно, в нахождении показателей бедности и богатства. Для этого необходимо продолжить начатое рассуждение об обеднении и обогащении крестьян средней зажиточности и найти в этом рассуждении *такое утверждение, которое можно записать в виде дифференциального уравнения*; решение этого уравнения дало бы формулу, позволяющую измерить степень обеднения или обога-

щения. Далее уже не составит труда вычислить разность между мерами интенсивности обоих процессов.

Кроме того, целесообразно считать, что степень бедности определенных категорий зажиточных крестьян близка к нулю, а бедность безземельных крестьян является наивысшей и равна единице. В то же время процесс обогащения не имеет границ, так как приобретение богатым держателем небольшого участка означает его дальнейшее обогащение. Все сказанное и характеризует специфические проявления названных процессов как самостоятельных факторов расслоения.

Далее можно утверждать, что некоторое увеличение степени бедности прямо пропорционально некоторому уменьшению размеров надела и прямо пропорционально степени бедности в данный момент времени. Это последнее означает, что потеря части имущества бедным крестьянином сильно увеличивает степень его бедности, чем потеря такой же части имущества богатым держателем.

Действительно, если, например, английский полувиргатарий XIII в. теряет $\frac{1}{4}$ виргаты, то для него такая потеря гораздо ощутимей, чем потеря $\frac{1}{4}$ виргаты виргатарием и особенно владельцем двух виргат.

Утверждение о прямо пропорциональной зависимости между названными факторами, следующее из приведенных выше исходных постулатов концепции расслоения, и является тем утверждением, которое можно записать в виде дифференциального уравнения.

$$dP = -Pdx; e^{-x+c} = P,$$

где P — степень бедности, dP — изменение степени бедности в некоторый хронологический период, dx — изменение размеров земли, x — размеры земли, c — некоторая константа, которая в данном случае равняется нулю⁹.

Далее, некоторое увеличение степени богатства прямо пропорционально некоторому увеличению надела и обратно пропорционально степени богатства в изучаемый момент времени. Последнее означает, что при изменении надела на данную фиксированную величину изменение степени обогащения будет большим, если данный владелец менее богат, и меньшим, если данный владелец является более зажиточным. Предположим, богатый крестьянин приобретает небольшой земельный участок. Очевидно, что для оценки степени его богатства это приобретение не очень существенно. Другое дело, если держание бедного крестьянина увеличится на такую же величину. Для него такое изменение более существенно. Утверждение о прямой и обратной пропорциональной зависимости названных факторов также может быть записано в виде дифференциального уравнения, решение которого является формулой меры богатства, обозначаемого R .

$$dR = \frac{dx t^2}{R}; \quad R = \sqrt{2x} t,$$

где x — размеры земли, dx — изменение размеров земли в рассматриваемый момент времени, R — степень богатства, dR — изменение степени богатства.

Параметр t определяем из уравнения:

$\sqrt{2at} = e^{-a}$, где a — имущество среднего крестьянина. Иными словами, исходя из предположения, что у крестьян, принадлежавших к среднему уровню зажиточности, показатель обогащения равен показателю обеднения

$$t = \frac{e^{-a}}{\sqrt{2a}}, \text{ т. е. } R = \frac{\sqrt{2x}}{\sqrt{2a}} e^{-a} = \frac{\sqrt{x}}{\sqrt{a}} e^{-a}.$$

⁹ Подробно проблема рассматривается в статье автора «Вопросы формализации теории расслоения феодально-зависимых крестьян», которая будет опубликована в сборнике «Количественная история», подготовленном совместно с учеными ГДР.

Показатель расслоения имеет вид $D = \sum_{i=1}^n |P_i - R_i|$, где $|P_i - R_i| = d_i$ — показатель расслоения некоторого i -го крестьянина, n — число крестьян в изучаемой совокупности.

Использование коэффициента D предполагает выявление крестьян средней зажиточности. По отношению к Византии этот вопрос требует специального анализа. Если по источникам X—XI вв. нормальным наделом, «идеальной стасьей», по-видимому, являлся надел в 48—50 модиев II качества, с которого взималась подать размером в 1 номисму, то для XIV в. в качестве нормального следует рассматривать значительно меньший по величине надел. Это связано с обесцениванием денег и повышением цен на зерно¹⁰. Но поскольку величина налоговой ставки является индикатором не поземельного как такового, а социально-экономического расслоения в целом и при этом нормы обложения, как поземельного, так и поимущественного остались в XIII—XIV вв. теми же, что и в X—XI вв., то считаем, что категорию крестьян среднего уровня зажиточности по-прежнему составляли плательщики 1 номисмы. Это целесообразно еще и по следующим причинам. В X—XI вв. 1 номисма, взываемая с 48—50 модиев, включала в подать начисление с упряжки волов, тогда как в XIV в. подать, взимавшаяся с меньшего по величине земельного надела и соответственно составлявшая менее 1 номисмы, уже не включала начисление за упряжку, которая являлась самостоятельным объектом обложения. Но так как наличие упряжки являлось необходимым признаком крестьянина среднего уровня зажиточности, а упряжка облагалась от 0,25 до 0,5 номисмы, то можно считать, что в XIV в. держатели сокращенного нормального надела и упряжки платили, как и держатели нормального надела в X—XI вв., 1 номисму.

Итак, при вычислении D считаем, что показателем среднего уровня зажиточности крестьянина является уплата им 1 номисмы в качестве телоса. В табл. 1 отражены коэффициенты для различных деревень в районе Фессалоники и на острове Лемносе по данным практиков XIII—XIV вв., содержащих опись владений Лавры. Коэффициенты D рассчитаны не только по данным о налогообложении телосом, но и по данным о землевладении на паричном праве. Это сделано для сопоставления степени социально-экономического расслоения, отражением которого являлись размеры налоговой ставки и поземельного, связанного с держанием надела пахотной земли или виноградника на паричском праве. Таблица показывает, что во всех без исключения ситуациях показатели D , относящиеся к данным о налоговых ставках, значительно ниже, чем D , относящиеся к размерам землевладения на паричском праве.

Это означает, что расслоение, связанное с держанием на паричском праве, не совпадало по степени интенсивности с социально-экономическим, проявляющимся в уплате телоса. Таблица позволяет определить меру расхождения в каждом конкретном случае, т. е. детализировать и углубить сделанный на основе качественного анализа вывод, согласно которому к XIII—XIV вв. экономическое положение частнозависимых париков не совпадало с их имущественным положением держателей на паричском праве. Характерно, что коэффициенты D , вычисленные по данным о налогообложении и относящиеся к разным районам, варьируют очень незначительно. Более того, многие из этих показателей составляют 0,3—0,5. Такая близость коэффициентов, относящихся к разным вотчинам в разных районах, каждая из которых имела свою экономическую специфику (в некоторых большую роль играли виноградарство и садоводство, в других — иные виды хозяйственной деятельности), означает, что социально-экономическое расслоение феодально-зависимых крестьян в целом

¹⁰ *Хвостова К. В.* Судьбы парикии и особенности налогообложения в Византии. . . с. 44.

Таблица 1

Номер документа	Год составления описи	Район	Метех или деревня	Коэффициенты расслоения	
				по налогу	по винограднику
73	1284	Лемнос	Гомат	0,45	0,86
91	1300	Фема Фессалоники	Гомат	0,31	0,41
91	1300	»	?	0,34	0,48
91	1300	»	Селас	0,33	0,67
91	1300	»	Метилин	0,32	0,51
			Градишта	0,2	0,44
99	1304	Лемнос	Гомат	0,49	
			(Хлеон Нерон)		
	1304	»	Калецкий	0,4	0,42
	1304	»	Хрисипп	0,5	0,7
	1304	»	Чуколарий	0,26	0,61
106	1317	Фемы Стришон, Волерон, Монополь, Серры	Докомпус	0,29	0,35
	1321?	То же	Линосхизма	0,35	
109	1321	Фема Фессалоники	Гурнаи	0,43	0,7
109	1321	»	Сарантереа	0,53	0,59
109	1321	»	Пинссон	0,32	0,52
109	1321	»	Агиа Евфимия	0,26	0,33
109	1321	»	Лоротон	0,45	0,33
109	1321	»	Неохорион	0,31	0,23
109	1321	»	Карбайон	0,39	0,46
109	1321	»	Генна	0,34	0,5
109	1321	»	Дримоскион	0,33	0,56
109	1321	»	Пасхалея	0,32	0,36
109	1321	»	Панагия	0,33	0,62
109	1321	»	Скелохорион	0,33	0,55
109	1321	»	Кастрон	0,6	0,9
109	1321	»	Логгос	0,41	0,6
			Гомат	0,27	0,5
			Металки	0,26	0,49
			Градишта	0,33	0,68
			Селас	0,39	0,71
			Арсеникея	0,29	0,79

по вотчинам было примерно одинаковым и весьма умеренным. Известно, что именно умеренное расслоение, вызванное преобладанием слоя средних крестьян, было характерно для эпохи феодализма в целом. Расслоение, проявляющееся в сильно варьирующих парических держаниях, было мнимым и свидетельствовало о том, что держания на парическом праве уже не составляли в рассматриваемый период основного источника благосостояния крестьян.

Выше говорилось, что налогообложение в Византии XIII—XIV вв. отражало характерные черты расслоения, но также и своеобразно регламентировало процесс расслоения. Для того чтобы проследить отдельные характерные признаки политики, осуществляемой при налогообложении, необходимо еще раз обратиться к структуре налога.

Византийский телос XIV в. состоял, как и в XI в., из двух частей: поземельно-поимущественной подати и подымного (или при отсутствии земли — из поимущественной подати и подымного). Следуя терминологии XI в., назовем условно (поскольку в источниках XIV в. эти термины не встречаются) эти части синоной и капником. Учет при обложении телосом неземледельческих доходов осуществлялся, очевидно, именно путем взимания капника. Однако эти доходы учитывались приблизительно, их строгая оценка отсутствовала. Кроме того, полностью неимущие парики, как и актимоны XI в., платили капником. Все сказанное пока зывает, что капник правоммерно рассматривать как приблизительный индикатор роли внеэкономических факторов в обложении крестьян.

Возможно также, что имеются основания рассматривать капникон в качестве выразителя характерной для феодальной эпохи закономерности, сущностью которой являлась относительно более сильная эксплуатация бедных держателей. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, вышеназванный факт уплаты капникона париками, не имевшими земли на паричском праве (они платили от $\frac{1}{6}$ до 1 номисмы), а с другой стороны, льготное обложение париков, имевших большие наделы. Очевидно, льгота состояла в освобождении зажиточных париков от уплаты капникона, а при наличии очень больших наделов льгота распространялась и на часть синоны. С известным приближением, о котором речь пойдет впереди, можно считать, что отношение размеров капникона к размерам синоны находилось в обратно пропорциональной зависимости от величины земельного надела и движимого имущества. Это и означает, что налоговая политика правительства, проявлявшаяся в особенностях капникона, отражала действие в Византии общей для феодализма закономерности, содержанием которой являлась более высокая степень эксплуатации относительно бедных крестьян по сравнению с более зажиточными.

Эта закономерность, как уже отмечалось, в общем виде может быть сформулирована таким образом: некоторое увеличение роли внеэкономических факторов в эксплуатации крестьян прямо пропорционально уменьшению надела и обратно пропорционально размеру надела в данный момент времени. Это утверждение может быть записано в виде дифференциального уравнения: $dy = -dx/x$, откуда $y = -\ln|x| - \ln|c|$; $e^{-y} = xc$ (I), где y — роль внеэкономических факторов в эксплуатации, dy — изменение роли этих факторов в фиксированный момент, dx — изменение величины надела, x — величина надела, c — константа.

Говоря о роли внеэкономических факторов в эксплуатации, подразумеваем отношение ренты, отражающей влияние внеэкономических факторов эксплуатации, к поземельной ренте. В Византии оно, повторяем, проявляется в отношении капникона к синоне. Если обратимся к Англии XIII в., то сохранившиеся от этого периода источники свидетельствуют, что рента вилланов состояла из двух частей — из барщины и поземельных рент *redditus assisae*. Очевидно, барщина в большей мере отражала роль внеэкономических факторов в эксплуатации, и размеры барщины, точнее, ее денежной оценки, могут рассматриваться как приблизительный индикатор влияния внеэкономических факторов на рентные отношения. Отношение этой оценки к поземельной ренте отражает, согласно данному пониманию проблемы, роль внеэкономических факторов в рентных отношениях.

Формула I может быть использована для изучения особенностей византийской налоговой системы и налоговой политики, основанной на предоставлении льгот зажиточным держателям и на относительно более высокой степени эксплуатации бедных. Точнее, применение формулы I дает возможность восстановить несодержащуюся в источниках информацию о размерах капникона отдельных париков. Если говорить более точно, то целью моделирования является определение отношения части телоса, отражающей воздействие на обложение внеэкономических факторов, к поземельной подати для каждого из зафиксированных в описях париков. Зная отношение названных частей и величину поземельной подати (эту последнюю всегда легко определить, умножив норму обложения на число модиев — единиц земельной площади), не составит труда определить капникон. А именно капникон $k = ys$, где y — отношение капникона к поземельной подати (синоне), определяемое по формуле I, s — поземельная подать (синона).

Вся эта информация, повторяем, не содержится в наличных источниках и в восстановлении ее и заключается познавательный смысл моделирования. Обращаясь к вопросу об отсутствии данной информации в источниках, следует сказать, что причина этого не может быть объяснена (или, во всяком случае, не может быть полностью объяснена) недостатком источников

или их плохим состоянием. Она проистекает из-за онтологических особенностей явлений. Дело в том, что подать, отражавшая в составе телоса влияние на обложение внеэкономических факторов, не имела самостоятельного значения. Она взималась вместе с поземельной как единое целое и соответственно отражала латентные проявления названной выше закономерности.

Для того чтобы формула I могла быть использована, необходимо на основе конкретных источников определить параметр С. Для этого следует определить так называемые начальные условия приведенного выше дифференциального уравнения. Для того чтобы это сделать, необходимо детально проанализировать все имеющиеся сведения источников, позволяющие строить определенные предположения о структуре составляющей телоса, названной условно капником. Поскольку парики, не имевшие земли, уплачивали только капникон, т. е. при обложении их капникон выступал в явной форме, то изучение обложений именно этих париков позволяет констатировать ряд отличий взимавшейся с них подати от капникона XI в. Согласно данным XI в., в частности практика 1073 г., капникон являлся величиной постоянной и равнялся 0,5 номисмы. Актимоны и воидаты платили 0,5 номисмы капникона, тогда как зевгараты уплачивали 0,5 номисмы капникона и 0,5 номисмы синоны. Всего зевгараты уплачивали 1 номисму. В качестве нормальной стаси рассматривались 48—50 модиев земли. Это означает, что собственно поземельная подать взималась по норме 0,01 номисмы с модия.

Для X—XI вв. характерно сходство налоговых ставок, взыскивавшихся с крестьян одной и той же деревни. Это сходство отражало незначительные различия в имуществе, точнее, в землевладении на паричском праве, поскольку именно этот вид имущества отражал в тот период благосостояние византийских париков.

Незначительные вариации в размерах земли и платежей, как известно, — характерная черта средневековой экономики в эпоху раннего феодализма. По-иному обстоит дело в Византии XIII—XIV вв. Практики этого периода отражают не только значительные вариации в размерах земельных наделов, но и большие колебания в обложении капником париков, лишенных земли на паричском праве. Капникон этих париков, как уже говорилось, варьирует в диапазоне между $\frac{1}{6}$ и 1 номисмой. По-видимому, значительные вариации капникона париков, не имевших земли на паричском праве, обусловлены тем фактом, что эти парики имели доходы от каких-либо иных неземлевладельческих видов деятельности (ремесленные занятия, а иногда и работы по найму), и эти доходы в соответствии со старинными традициями учитывались при налогообложении. Логично предположить, что подать, называемая условно капником, состояла в отличие от XI в., в свою очередь, из двух частей, а именно она включала собственно капникон, т. е. подать с дома, и подать, учитывающую неземледельческие доходы с крестьянина. В XI в. эти доходы учитывались иным способом, и капникон представлял собой фиксированную подать с дома. В XIII—XIV вв., возможно, одна из частей капникона, т. е. собственно капникон, также была фиксированной, а варьировала подать с неземледельческих доходов. Такой фиксированной податью была, по-видимому, $\frac{1}{6}$ номисмы, уплачиваемая многими, не имеющими земли на паричском праве. Эти парики, вероятно, имели дом и не только не имели движимого и недвижимого имущества, но и прочих доходов. Что же касается остальных крестьян, не имевших движимости и недвижимости, но располагавших другими неземледельческими доходами, то они уплачивали от $\frac{1}{12}$ до $\frac{5}{6}$ номисмы надбавки к собственно капнику. Уменьшение к XIII—XIV вв. размеров собственно капникона соответствует общей тенденции этого времени к уменьшению размеров телоса, что связано с сокращением в позднее время размеров земельных держаний на паричском праве.

Итак, возникает вопрос, были ли размеры собственно капникаона в этот период одинаковыми для всех париков, а вариации в размерах от $\frac{1}{12}$ до $\frac{5}{6}$ номисмы отражали учет неземледельческих доходов, или же собственно капникон у более зажиточных все же возрастал, но более медленными темпами, чем поземельная подать — синона и в силу этого отношение капникаона к синоне падает, что и свидетельствовало бы о более высокой степени эксплуатации бедных по сравнению с богатыми. Однако в таком случае, т. е. если бы капникон более зажиточных париков превышал капникон более бедных, эта тенденция не была бы столь ярко выражена, как в случае одинакового собственно капникаона для значительного слоя держателей.

Как видно, именно собственно капникон отражает роль внеэкономических факторов при обложении телосом. Что же касается надбавки к собственно капникону, то она с большей или меньшей точностью учитывает влияние названных выше экономических факторов. Поэтому следует несколько уточнить то, что было сказано выше относительно использования формулы I в целях определения размеров той неявно существовавшей части телоса, которая отражала роль внеэкономических факторов при обложении. С помощью формулы I мы можем восстановить именно собственно капникон, т. е. непосредственно подать с дома, наиболее четко отражающую роль внеэкономических факторов обложения. Определение же надбавки к собственно капникону, возникавшей путем учета неземледельческих доходов, не составит труда. Для определения этой надбавки следует из общих размеров зафиксированного в описи телоса каждого парика вычесть определяемую путем простой арифметической процедуры синону, а также поимущественную подать (чтобы их определить, нужно норму обложения умножить на зафиксированный в описи размер соответствующего вида имущества), а также вычесть рассчитанный с помощью формулы I собственно капникон. Цель моделирования с помощью формулы I, таким образом, — в восстановлении размеров именно собственно капникаона. Тем самым в результате моделирования мы ответим и на поставленный выше вопрос об инвариантности или изменчивости собственно капникаона всех или подавляющего большинства париков. Это последнее важно еще по следующей причине. Если размеры собственно капникаона одинаковы для всех париков, то это свидетельствует о сохранении в позднее время тенденции к уравнительному налогообложению. Однако в XIII—XIV вв. эта тенденция не могла в такой же мере отражать небольшие вариации в землевладении на паричском праве, как это было в XI в. И соответственно встает вопрос об изменившемся содержании традиционной по форме налоговой политики.

Переходя непосредственно к моделированию, т. е. к определению начальных условий дифференциального уравнения, учитываем данные источников о льготном обложении зажиточных париков. Считаем, что льгота распространялась в первую очередь на капникон, т. е. у зажиточных крестьян капникон не взимался в наличных деньгах, а при наличии очень больших надделов захватывал и часть синоны.

Какова же должна была быть степень зажиточности, необходимая для предоставления льготы? В этом отношении наблюдались локальные различия. Практик 1284 г.¹¹, содержащий опись владений Лавры на о-ве Лемнос, свидетельствует, что льгота предоставлялась при наличии держания размером не меньше 40 модиев. Проведем несложный расчет. В практике имеется владелец 40 модиев и трех домов, плативший 0,5 номисмы. Очевидно, на 1 модий приходится около 0,01—0,012 номисмы совокупного телоса. В то же время владелец 30 модиев и 1 зевгаря уплачивал в одном случае 0,5, а в другом 1 номисму. 0,5 номисмы платил также владелец 20 модиев, 1 вола и 4 овец. Очевидно, названные держатели

¹¹ Actes de Lavra, N 73.

20 и 30 модиев уплачивали около 0,025 номисмы и более с модия, т. е. норма обложения держателя 40 модиев сократилась в два раза по сравнению со стандартной нормой 0,025, свидетельствующей о наличии земли смешанного II и I качества.

Рассмотрим, как обстоит дело с держателями 60 модиев. Некоторые из них также уплачивали около 0,012 номисмы с модия, а другие, по-видимому, платили стандартную ставку. Иными словами, мы сталкиваемся в данном случае с иллюстрацией *статистического* проявления отмеченной выше характерной для феодализма закономерности, проявившейся в более сильной степени эксплуатации бедных по сравнению с зажиточными, выражением которой в Византии было льготное обложение зажиточных париков. В некоторых случаях эта закономерность не функционировала в силу влияния дополнительных факторов, отсутствующих в ситуациях, когда функционирует рассматриваемая закономерность. Что же касается зафиксированных в практике очень зажиточных париков, владевших 100, 150 и 200 модиями, то все они подлежали льготному обложению. Если же рассмотреть париков Мамицоны по данным практика 1323 г.¹², то выясняется, что только держатели 85 и более модиев (самый большой размер надела равняется 120 модиям) подлежали льготному обложению. Такое расхождение в принципах обложения является наглядной иллюстрацией индивидуальных проявлений закономерностей. Очевидно, то обстоятельство, что во владениях Лавры на Лемносе льготному обложению подлежали владельцы держаний от 40 модиев и выше, а в Мамицоне — только держатели 85 и более модиев, объясняется тем, что на Лемносе имелись держатели столь больших наделов, как 150 и 200 модиев.

Наличие у париков в XIII—XIV вв. больших наделов, превышающих нормальный для этого периода надел в 25 модиев II качества, — явление редкое. Выше говорилось, что общая сумма телоса для податного округа определялась заранее и при ее определении учитывалось приблизительное количество земли, зафиксированное при составлении предыдущего кадастра. Возможно, что крупные наделы, во всяком случае, часть этих наделов, на Лемносе являлись более поздним приобретением по сравнению со временем составления предыдущего кадастра, и соответственно общая налоговая сумма, которую требовалось разложить по стасям и которая была установлена при составлении предыдущего кадастра, не учитывала крупные держания. Это и позволило осуществить льготное обложение уже начиная с 40 модиев. Напротив, в Мамицоне, где наибольший надел по сравнению с Лемносом был меньшим (он равнялся 120 модиям), возможно, имелось меньшее число более поздних по сравнению со временем составления предыдущего кадастра земельных приобретений. Соответственно общая налоговая сумма, распределяемая по стасям, в большей мере соответствовала размерам земли в деревне, поэтому и льготы возможны были только в отношении более зажиточных, чем во владениях Лавры на Лемносе. Ситуация, аналогичная существовавшей в Мамицоне, существовала и в деревне Градец Хиландарского монастыря, для которой также было характерно наличие больших наделов.

Объяснение относительно разных принципов предоставления льгот, конечно, гипотетично, но в любом случае налицо разные условия льготного обложения в рассматриваемых поселениях. Это составляет трудности в определении параметра *c*. Очевидно, следует решить, которую из двух ситуаций следует выбрать для определения параметра *c*, т. е. определения начальных условий дифференциального уравнения. Исследовательские цели, состоящие в стремлении выявить динамику отношений по сравнению с предшествующей эпохой, говорят о целесообразности для определения начальных условий дифференциального уравнения, позволяющих считать параметр *c*, использовать данные, относящиеся к владениям Лавры

¹² *Petit L., Korablev B. Actes de Chilandar. — ВВ, 1914, XVII. Приложение 1, № 93.*

на Лемносе по данным практика 1284 г. Действительно, ситуация землепользования и налогообложения, зафиксированная этим практиком, аналогична по ряду признаков тем особенностям этих состояний, отраженным в Патмосском практике 1073 г., которые можно рассматривать как характерные для XI в. в целом. В то же время эти состояния обнаруживают к 1284 г. известную динамику. Оба практика свидетельствуют о наличии больших наделов. Кроме того, синона и капникон в составе основного сбора с нормальной для XI в. паричской стаи (40—50 модиев) равнялись между собой. Динамика же состояла в том, что по данным 1073 г. синона и капникон как единый сбор взимались в реальных деньгах, а по данным практика 1284 г. капникон не взимался в наличных деньгах. Об этом свидетельствует сокращение нормы обложения наделов в 40 модиев и более приблизительно вдвое. Как уже говорилось, считаем, что такое сокращение происходило в силу того, что взималась только синона, а собственно капникон упразднялся. Таким образом, определяя начальные условия дифференциального уравнения, решение которого дает формулу I, целесообразно учесть ситуацию, зафиксированную в практике 1284 г., а именно принять во внимание тот факт, что капникон держателей наделов в 40 модиев практически упразднялся, т. е. не взимался в наличных деньгах.

Наименьшее значение взимаемой в наличных деньгах налоговой ставки по данным подававшего большинства описей составляло $\frac{1}{6}$ номисмы. Минимальное различие между налоговыми ставками равнялось $\frac{1}{12} \approx 0,08$ номисмы. Это означает, что параметр C должен быть таким, чтобы расчетное значение собственно капникона держателей 40 модиев составило величину меньшую $\frac{1}{6}$ номисмы, более чем на $\frac{1}{12}$, точнее, размер собственно капникона должен находиться в диапазоне $0 \leq k < \frac{1}{12}$ номисмы. Именно при таком значении собственно капникона он не взимался в наличных деньгах.

Итак, определяем s из уравнения: $e^{-u} = xs$ (I), где u — отношение собственно капникона (k) к синоне (s), т. е. $u = k/s$; x — число нормальных наделов или доля нормального надела ($y_{\text{норм}}$), т. е. $x = y/y_{\text{норм}}$, где y — число единиц земельной площади; s определяем при $y = 40$, т. е. при $x = 40/y_{\text{норм}}$.

В качестве нормального надела принимаем надел в 24 модия II качества. Надел приблизительно такого размера являлся нормальным для XIII—XIV вв.

Следовательно, значение x , которое подставляем в уравнение 1 для определения s , составляет $40/24 \approx 1,66$ и соответственно имеем:

$$e^{-u} = 1,66 \quad c, \quad \text{где } u = k/s; \quad k < \frac{1}{12};$$

$s = (0,02 \times 40)/2 = 0,04$ (норма обложения поземельной податью для земель II качества умножается на число модиев); $xs \leq 1$, т. е. $0 < C < \frac{1}{1,66}$.

Поскольку при наличии надела в 40 модиев капникон практически равнялся нулю, то синона охватывала весь телос. Это проявлялось в том, что норма обложения, как указывалось выше, уменьшалась вдвое и составляла не 0,02 номисмы, а 0,01.

В этом факте заключаются основания для предположения о значении s . Поскольку норма обложения составляла $\frac{1}{2}$ стандартной, то полагаем, что $C = \frac{1}{2}$. В этом случае имеем $e^{-u} = 1,66$; 2 ; $e^{-u} = 0,84$; $u = 0,19$; $k = us$; $k = 0,19 : 0,04 \approx 0,076$.

Таким образом, при $s = \frac{1}{2}$ для держателей 40 модиев расчетное значение собственно капникона составляло 0,076 номисмы. Очевидно, что этот капникон, будучи ниже $\frac{1}{12}$ номисмы, не взимался в наличных деньгах.

Учитывая данное значение параметра C , рассчитанное с учетом данных источников, относящихся к держателям в 40 модиев, вычисляем собственно капникон для держателей наделов разной величины. При этом при норме обложения земли II качества 0,02—0,025 номисм с модия наделы размером менее 8 модиев находились вне обложения, так как с них следовало бы взимать менее $\frac{1}{6}$ номисмы. 4 модия составляли тот промежуток в размерах

держаний, в пределах которого подать практически не менялась, так как ее изменение составляли менее $1/12$ номисмы, которые не взимались в различных деньгах.

Исходя из сказанного, определяем собственно капникон только для значений $cx_i = cy_i / y_{\text{норм}}$, где $y_i = y_{i-1} + \Delta y$; $y_1 = 8$ модиям, $\Delta y = 4$ модиям, $i = 1, 2, 3, 4, \dots, n$.

Итак, производим вычисление для следующих значений

$$cx_i = \frac{y_{i-1} + \Delta y}{y_{\text{норм}}} :$$

Для $cx_1 = \frac{8}{48} = 0,17$	Для $cx_7 = \frac{32}{48} = 0,67$
» $cx_2 = \frac{12}{48} = 0,25$	» $cx_8 = \frac{36}{48} = 0,75$
» $cx_3 = \frac{16}{48} = 0,33$	» $cx_9 = \frac{40}{48} = 0,83$
» $cx_4 = \frac{20}{48} = 0,42$	» $cx_{10} = \frac{44}{48} = 0,91$
» $cx_5 = \frac{24}{48} = 0,5$	» $cx_{11} = \frac{48}{48} = 1$ и т. д.
» $cx_6 = \frac{28}{48} = 0,58$	

Табл. 2 содержит результаты расчетов.

Т а б л и ц а 2

e-и = cx (x — доли нормального надела)	Отношение собственно кап- никона к синоне (u)	Синона (s = 0.01y)	Собственно капникон (k = us)	Налоговая льгота (Δk = 0.17 - k)
0,17	1,78	0,01 × 8 = 0,08	1,78 × 0,08 ≈ 0,14	0,03
0,25	1,39	0,01 × 12 = 0,12	1,39 × 0,12 ≈ 0,17	0
0,33	1,09	0,01 × 16 = 0,16	1,09 × 0,16 ≈ 0,18	0
0,42	0,88	0,01 × 20 = 0,2	0,87 × 0,2 ≈ 0,17	0
0,5	0,69	0,01 × 24 = 0,24	0,69 × 0,24 ≈ 0,17	0
0,58	0,54	0,01 × 28 = 0,28	0,54 × 0,28 ≈ 0,15	0,02
0,67	0,4	0,01 × 32 = 0,32	0,4 × 0,32 ≈ 0,13	0,04
0,75	0,29	0,01 × 36 = 0,36	0,29 × 0,36 ≈ 0,1	0,07
0,83	0,19	0,01 × 40 = 0,4	0,19 × 0,4 ≈ 0,076	0,084
0,91	0,18	0,01 × 44 = 0,44	0,08 × 0,44 ≈ 0,04	0,13
1	0	0,01 × 0 = 0	0 × 0 = 0	0,17
1,27	-0,24	0,01 × 60 = 0,6	-0,24 × 0,6 ≈ -0,14	0,31
2,08	-0,73	0,01 × 100 = 1	-0,73 × 1 ≈ -0,73	0,9
4,16	-1,43	0,01 × 200 = 2	-1,4 × 2 ≈ -2,86	3,93

Каким образом могут быть интерпретированы результаты моделирования?

Как видно, расчетные значения собственно капникона держателей 8—36 модиев отличаются от $1/6 \approx 0,17$ номисмы менее, чем на $1/12 \approx 0,08$ номисмы.

Это означает, что ставки капникона для держателей разных наделов в диапазоне 8—36 модиев практически не различались. При наделах в 40—48 модиев расчетные значения капникона составляют менее $1/6$, т. е. 0,17 номисмы. Это позволяет сделать вывод о том, что капникон этих париков не взимался в наличных деньгах, т. е. парики имели налоговые льготы в виде освобождения от уплаты капникона. Иными словами, капникон упразднялся. Что же касается держателей больших наделов, превышаю-

щих 48 модиев, то в отношении их происходило расширение собственно кашника за счет собственно синоны, или представляемая этим держателям налоговая скидка была столь велика, что распространялась не только на кашникон, но и на часть синоны. (Знак минуса перед k свидетельствует о скидке.)

Таким образом, результаты математического моделирования с помощью дифференциального уравнения позволили уточнить высказанное выше предположение об инвариантности взимаемых в наличных деньгах собственно кашников значительной части париков. Но известно, что результаты всякого моделирования могут быть признаны адекватными реально существующим отношениям при наличии хотя бы косвенного и частичного подтверждения источниками результатов моделирования. При этом необходимы такие данные источников, которые не были непосредственно использованы при моделировании. Подтверждение источниками необходимо, так как при моделировании учитывались принципы налоговой политики и лишь некоторые ее конкретные проявления, а именно особенности обложения держателей 40 модиев. Многие проявления налогообложения, в частности ставки кашника каждого парика, в источниках не зафиксированы. Именно поэтому и потребовалось математическое моделирование, позволившее восстановить незафиксированную в источниках информацию. Все же в источниках имеются некоторые данные, не учтенные непосредственно при моделировании и позволяющие проверить его результаты, подтвердить адекватность модели реальным отношением. Эти данные позволяют с помощью простой арифметической процедуры, не прибегая к помощи формулы, рассчитать собственно кашник некоторых париков, а именно тех, которые имели налоговую скидку. Повторим, источник не содержит данных для расчета собственно кашника *всех париков* — если бы эти данные имелись, то отсутствовала бы потребность в моделировании. Однако имеются данные для непосредственного определения собственно кашника некоторых париков. И, очевидно, если определенный непосредственно на основе источников, не прибегая к моделированию, собственно кашник некоторых париков совпадает или частично совпадает с расчетным собственно кашником, т. е. вычисленным при помощи формулы, то такое совпадение (полное или достаточное приближение) есть аргумент в пользу адекватности осуществленного моделирования. Благодаря такому совпадению понижается гипотетичность предположений, положенных в основу моделирования.

В данном случае вследствие статистического проявления названной закономерности полное совпадение для каждого из зафиксированных в источниках париков не может наблюдаться. Речь идет о совпадении только средних по совокупности значений с расчетными. В отдельных случаях, т. е. в отношении отдельных париков, были возможны произвол при обложении или, наоборот, предоставление дополнительных льгот. Кроме того, у некоторых париков имелась земля более высокого или более низкого качества, чем у остальных держателей; у некоторых париков имелись дополнительные неземледельческие доходы, которые являлись объектом дополнительного обложения, увеличивавшего совокупную поимущественно-поземельную подать. У многих имелся не один, а два или три дома. Все эти факторы приводили к увеличению или уменьшению налоговой льготы зажиточных держателей и к колебаниям размеров собственно кашника или синоны держателей среднего уровня зажиточности. Покажем, однако, что в *среднем* размеры льгот, а следовательно, и собственно кашника близки к расчетным. По данным практика 1284 г. постараемся рассчитать с помощью простой арифметики налоговую льготу, предоставляемую держателям 60, 100 и 200 модиев. Табл. 3 содержит сведения о размерах имущества и величине налога по данным практика 1284 г., а также о расчетном значении телоса, вычисленном с учетом наиболее

Земли (модии)	Коровы	Дома	Овцы	Зевгари	Волы	Ослы	Виноградник (модии)	Телос, вычисленный с учетом стандартных норм обложения (номисмы)	Телос, зафиксированный в практике (номисмы)	Льгота (номисмы)	Средняя льгота держателей надела определенного размера (номисмы)
60							1,5	$0,02 \times 60 + 0,25 \times 1,5 = 1,58$	1	0,58	}
60	1	1			1			$0,02 \times 60 + 0,25\% + 0,17 = 1,62$	1,5	0,12	
60	1	3	10	1		1	3	$0,02 \times 60 + 0,25 + 0,75 + 0,38 + 0,17 + 0,17 = 2,92$	3	0	
60				1				$0,02 \times 60 + 0,38 = 1,58$	1	0,58	}
100	1	2	150	1		1	8	$0,02 \times 100 + 0,25 + 2 + 0,38 + 1 = 5,62$	4,5	1,12	
100		1	90	1		1	0,5	$0,02 \times 100 + 0,61 + 0,26 + 0,38 + 0,17 = 3,41$	3	0,41	
100		2	20	1			2,5	$0,02 \times 100 + 0,17 + 0,38 + 0,63 = 3,18$	2	1,18	}
200	1	1	80	1		1	2	$0,02 \times 200 + 0,5 + 0,38 + 0,25 + 0,17 + 0,53 = 5,83$	3,5	2,35	

употребительных норм обложения отдельных имущественных объектов. Мы учитываем следующие нормы обложения. Зевгари в соответствии с данными рассматриваемого практика облагались в пределах между 0,25 и 0,5 номисмы, поэтому принимаем для зевгаря в качестве нормы обложения 0,38 номисмы. Волы и ослы облагались по 0,25 номисмы. С 25 овец взималась $\frac{1}{6}$ номисмы, а со 100 — $\frac{2}{3}$ номисмы. Виноградник облагался по норме 0,25 номисмы с модия. С земли II качества взыскивались около 0,02 номисмы с модия. Дом + 1 корова облагались в $\frac{1}{6}$ номисмы. Разница между расчетным и действительным значениями телоса дает приблизительный размер налоговой льготы.

Итак, согласно результатам моделирования собственно капников держателей 8—36 модиев был практически инвариантным и взимался в размере $\frac{1}{6}$ номисмы. Уплата одинакового по величине собственно капника как держателями среднего, а также выше среднего уровней зажиточности, равно как и бедными, означает, что характерная для средневековой эпохи тенденция к относительно более сильной эксплуатации бедных крестьян по сравнению с зажиточными проявлялась в Византии XIII—XIV вв. очень ярко. Кроме того, этот факт свидетельствует о стремлении правительства обеспечить минимум налоговых поступлений независимо от размеров земельных владений крестьян на паричском праве. Независимость минимальной налоговой суммы от размеров имущества и отражает то новое содержание, которое отличало традиционную по форме налоговую политику византийского правительства в XIII—XIV вв. Правительство всегда стремилось к гарантированию минимума налоговых поступлений. Однако в разные периоды это достигалось разными способами и отражало разные условия социально-экономического развития. В X в. императоры Македонской династии пытались воспрепятствовать обогащению династов за счет разорения крестьянства и тем самым стремились сохранить платежеспособных подданных, способных вносить необходимый минимум налоговых поступлений. В X—XI вв. большинство крестьян еще имело нормальную стась, и в этих условиях естественной выглядела политика уравнительного налогообложения, проявлявшаяся, в частности, в инва-

риантности капника для значительного слоя держателей и направленная на защиту держателей нормальной стаси от разорения.

По-иному обстоит дело в XIV в. Слой держателей нормального надела, являвшийся прочной гарантией поступления налогов в казну, безнадежно исчез. В этих условиях правительство уже не задается целью сохранить его остатки от окончательного разорения. Такая политика все равно не обеспечила бы минимума налоговых поступлений. В изменившихся условиях правительство встало на путь более сильной эксплуатации бедных по сравнению с более зажиточными. И, как показывают результаты моделирования, это проявлялось не только в предоставлении зажиточным налоговых льгот, но и в том, что более бедные и значительная часть более богатых платила одинаковый по размерам собственно капникон.

Таким образом, преследуя те же цели, а именно по-прежнему стремясь обеспечить минимум налоговых поступлений, правительство в XIII—XIV вв. избирает для достижения этих целей прямо противоположное средство. Ранее оно пыталось защищать крестьян от разорения, теперь содействует их разорению.

Нам представляется бесспорным познавательное значение проведенного моделирования, позволившего углубить анализ изучаемого явления путем получения не содержащейся в источниках информации. Выше, однако, отмечалась гипотетичность такого моделирования, гипотетичность, в силу которой данный вид моделирования занимает второе по значимости место по сравнению с моделированием, имеющим цель получить количественную оценку содержащейся в источниках количественной информации.

Гипотетичность моделирования, в результате которого удалось рассчитать собственный капникон, а также размеры налоговой льготы отдельных категорий париков, состоит в следующем: в основу моделирования положена концепция о том, что налоговая льгота предоставлялась за счет освобождения от собственно капника, а у париков, имевших очень большие наделы, льгота захватывала и часть синоны.

Качественный анализ, основанный на изучении источников и применении простых арифметических средств, позволяет аргументировать гипотезу. Но в результате проведенного моделирования повысилась свидетельская ценность источников. Некоторые сведения источников рассматривались как проверочные, и это обстоятельство способствовало снижению гипотетичности исходного теоретического построения.